

Роман КОЗАК:

Известия, - 2001, - 15 авг. - с. 8, 9

Сегодня свои театры возникают абсурдным образом

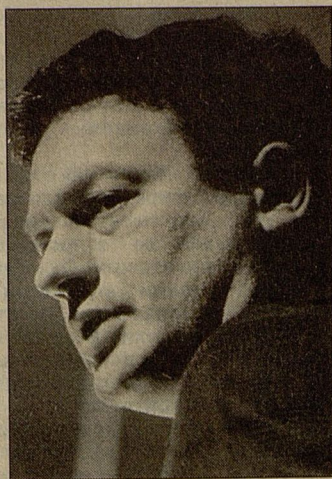
Совсем недавно несколько московских театров работали без художественных руководителей и главных режиссеров — имени Станиславского, имени Пушкина, на Малой Бронной. Поговаривали, что режиссеры не хотят руководить театрами: это хлопотно и невыгодно. Что, ставя разовые спектакли и преподавая, они могут заработать больше. Но вот на Бронную пришел Андрей Житинкин, а в Театр им. Пушкина — Роман Козак. Он собирается открыть «сцену под крышей», организовать «Таировские чтения» и, может быть, переименовать театр — в конце концов, славу этой сцене принес не Пушкин, а Таиров. Свое первое большое интервью в качестве хурука Роман КОЗАК дал спецкору «Известий» Алексею ФИЛИППОВУ.

— Вы — востребованный, много работающий на Западе и, как можно предположить, вполне обеспеченный человек. В Театре имени Пушкина вас ждут маленькая зарплата и чуждая труппа, не останется времени для постановок на стороне. Зачем вам все это нужно?

— Последним толчком послужила смерть Ефремова. Поработав актером в театре-студии «Человек» и Художественном театре, выучившись режиссуре и поездив по всему миру как постановщик, я пошел режиссером в родной дом, к Учи-

телю — во МХАТ. Но после смерти Ефремова я оказался не нужен этому дому: пришел Табаков, у него своя команда, я в нее не вхожу. Теперь я снова могу опылать цветочки, ездить, ставить, зарабатывать — или же мне надо попробовать что-то иное.

Театр Пушкина — дело для меня абсолютно не материальное. Но недостаток для меня сейчас не самое главное: есть идеи, которые хотелось бы реализовать. Сюда меня позвали еще год назад, сразу после того как ушел Юрий Еремин, но я ска-

зал «нет» и предложил переписать устав театра. Ведь я уже был однажды главным режиссером (в Театре Станиславского) и выдержал лишь один сезон. Сейчас я стал художественным руководителем, и у меня стало больше возможностей.

(Окончание на 8-й стр.)

Роман КОЗАК:

Сегодня свои театры возникают абсурдным образом

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Мне всегда казалось, что режиссер, желающий создать свой собственный театр, вырашивает его из маленького росточка, студии, воспитанных им учеников. А в Театре Пушкина труппа не просто устоявшаяся — утрамбованная, немолодая, сработавшаяся: что вы собираетесь с ней делать?

— Никого вычищать не собираюсь. Три первых премьеры нового сезона будут не мои (шиллеровских «Разбойников» и «Недосягаемую» Мозма ставит Говорухо, «Красавца-мужчину» Островского выпустит Астрахан). За это время я со своими студентами из Школы-студии МХАТа и с молодежью Театра имени Пушкина подготавливаю «Ромео и Джульетту». А что касается «утрамбованной» части труппы... Забалзамированного актера можно и разбалзамировать. Помните, как пришедший в Театр Станиславского Анатолий Васильев (я себя с ним, разумеется, не сравниваю) разбудил актеров, о которых никто не вспоминал — Филозова, Никишихину, Виторгана?..

— Я могу привести и другие примеры: режиссер приходит в устоявшийся, немолодой театр, ярко начинает, а потом театр его не то чтобы съедает... Скорее засасывает и благополучно переваривает (это произошло и с вашим предшественником в Театре Пушкина, Юрием Ереминым).

— Свой театр, конечно, предпочтительней, но сегодня свои театры возникают лишь анекдотическим, абсурдным образом. (Имею в виду поход к Лужкову какого-нибудь известного киноартиста.) И уж если тебе дают возможность создать театр-дом, предоставляют сцену, выделяют какие-то нищенские средства...

— А средства нищенские?

— Безусловно. Я выкручиваюсь, как могу, хожу в управление культуры, отыскал своих одноклассников в Америке — они стали богатыми людьми, среди них уже два миллионера... Одноклассники тоже обещают деньги. Но режиссеров и артистов я пока заманиваю в театр обещаниями.

Сейчас веду переговоры с теми, кто, на мой взгляд, должен ставить в Москве. Уже пригласил Володю Петрова из Омска — он будет ставить комедию Пояркова «Татарин маленький». Веду переговоры с Гришей Козловым и Гришей Дитятковским (питерская режиссура сегодня сильнее московской). Это все для спектаклей основной сцены. А в филiale я начну с постановки японской пьесы «Академия смеха» — моего собственного спектакля, где сыграют Николай Фоменко и Андрей Панин. Я не хочу подминать репертуар под себя, мне хочется стать организатором, режиссером-интендантом. Филиал собираюсь отдать молодым режиссерам — пусть они выпускают спектакли-события и вытягивают наш театр! В ближайшее время там начнут ставить Володя Агеев, молодой и модный Кирилл Серебряников, Юрий Урнов, Вася Сенин (этот недавний выпускник Петра Наумовича Фоменко заявил пушкинских «Цыган»). Хочу, повторю, чтобы Театр Пушкина стал местом театральных событий. Но не за счет коммерческих спектаклей, которые начинают задавать тон даже в моем родном МХАТе!

— Вопрос в том, удержите ли вы зал: «театральное событие» обеспечит кассу на несколько представлений, а коммерческий спектакль — на долгое время.

— Да, вы правы, здесь надо лавировать.

— Директор вас поддерживает?

— Пока да.

— Есть закономерность: молодой режиссер ставит яркий спектакль, потом несколько крепких работ, а затем уровень его постановок снижается. Это свойственно и вашему режиссерскому поколению — сорокалетним.

— Могу говорить только о себе: после «Чинзано» мне долго не удавалось выйти на результат, адекватный прежнему. Я выпустил спектакль, мне казалось, что я уловил свой стиль, пытался повторить результат — и не получалось, не давался материал. Некоторые вообще поставили один-

единственный спектакль, а потом начали повторяться. Это тема для отдельной статьи о взлетах и падениях «поколения сорокалетних».

— Вы пришли во МХАТ в начале 80-х. Тогда там еще была живая жизнь, и Ефремов еще оставался самим собой... Но, может быть, разумнее было потратить молодость на что-то другое?

— МХАТ был моим портом приписки, а занимался я и многими другими делами. В последние годы в Художественном театре было трудно что-то сделать: Ефремову надо было помогать, а его (может быть, из лучших соображений) обманывали, уверяя, будто в театре все хорошо. Его разлагали, обожая, как это обычно делается при королевских дворах. И все же он выпустил «Трех сестер». Ефремов репетировал два года, с актерами случались истерики. Во время репетиций все сидели в его кабинете и молчали: вы знаете, что такое были ефремовские паузы? Он им скажет что-то, они ответят — а он задумается. Надолго. Минут на двадцать. Ефремовские паузы могли свести с ума: во время них он уходил в разговор с кем-то другим, в комнате не присутствовал. Но глубинное погружение в ткань пьесы и дало такой блестящий эффект.

— В начале 90-х я пытался сделать беседу с Олегом Николаевичем, и у меня осталось ощущение огромной, космической пустоты. Он был любезен, обаятелен, мило шутил — а сам находился где-то далеко, на другой планете...

— Олег Николаевич в последние годы многое потерял, но способности к отчаянию не утратил. Он видел, что задуманное ему не удастся, прекрасно понимал и свою физическую немощь... Приступы отчаяния и вызывали у тех, кто его не знал, ощущение пустоты... Да, я мог выстроить свою биографию иначе: мне дали заманчивые предложения, в Германии даже театр давали. Я отлично понимал, что во МХАТе мне, режиссеру Козаку, удачи не будет. Но меня останавливало ефремовское отчаяние.